

США: поиски новой стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе

© 2009

О. Тимофеев

Переход власти в США к новой администрации требует от Вашингтона более ясно артикулировать собственную стратегию в изменившейся международной ситуации. Одним из ключевых направлений глобальной стратегии США, судя по всему, станет АТР. Последние наработки американских политологов позволяют предположить, что Белый дом будет придерживаться более взвешенного курса в своих отношениях с такими восточноазиатскими экономическими державами, как Китай, Япония Южная Корея, страны АСЕАН.

Ключевые слова: стратегия США, АТР, мягкая сила, возвышение Китая, "большая двойка"

В последние годы пребывания у власти администрации Дж. Буша-мл. лидерство США в мире все чаще связывалось с проявлениями грубой силы на международной арене и все реже — со способностью реализовывать гибкие подходы, направленные на закрепление тех стратегических преимуществ, которые Вашингтон получил после окончания "холодной войны" и распада СССР. Критике подвергалась неспособность политического руководства США плавно трансформировать вводимые им принципы правления в общепринятые нормы.

По оценке многих специалистов в области международных отношений, "стратегической целью США является стремление к господству во всем мире, и они не могут смириться с появлением любой другой крупной державы на Европейском или Азиатском континенте, что будет представлять собой угрозу их лидирующему положению"¹.

Ослабление позиций США в Азиатско-Тихоокеанском регионе связано, прежде всего, с повышением роли Китая, руководству которого на протяжении последнего десятилетия довольно успешно удавалось использовать неудачи и провалы американской внешней политики для закрепления положения КНР как безусловного регионального лидера. В 2007 г. китайская экономика, исходя из текущего обменного курса, стала третьей по величине в мире (3,4 трлн долл.), обойдя германскую. В то же время по паритету покупательной способности, при котором учитывается уровень внутренних цен, КНР уже в течение нескольких лет находится на втором месте со значительным отрывом от занимающей третью позицию Японии.

Тимофеев Олег Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: timooa@mail.ru

Другим существенным фактором влияния Китая в АТР стало повышение политического авторитета на международной арене, которое при этом происходит мирным, бесконфликтным путем, связанным с активным использованием ресурсов т.н. “мягкой силы”.

В США традиционно конкурируют три точки зрения по поводу того, как реагировать на процесс возвышения Китая. Сторонники первой предлагают как можно более интенсивно осуществлять “вовлечение” Китая в международные экономические, политические, финансовые структуры (МВФ, ВТО, G20 и др.), не связывая уровень взаимодействия с ним с его недемократическим внутренним устройством. Приверженцы второй точки зрения выступают за осуществление стратегии сдерживания в отношении КНР, поскольку, по их мнению, это единственный способ нейтрализовать угрозы, исходящие от тоталитарного азиатского гиганта. Третья точка зрения представляет собой соединение двух первых: предлагается вовлечь Китай в международную систему, особенно в экономические структуры, с тем чтобы ему было невыгодно идти на конфронтацию, однако при этом быть в готовности сдерживать его возможные дестабилизирующие действия и отразить гипотетическую военную угрозу.

Процесс передачи власти в США от республиканцев демократам в начале 2009 г. сопровождался крайне активным поиском свежих идей и решений тех сложных проблем, которые достались в наследство администрации Б. Обамы. Одним из наиболее важных результатов такого поиска стала публикация 80-страничного доклада “США и Азиатско-Тихоокеанский регион: стратегия безопасности для администрации Б. Обамы”, презентация которого состоялась 11 марта 2009 г. в вашингтонском отеле “Виллард интерконтинентал”. Проект возглавил один из старейших американских дипломатов, специализировавшихся на азиатской проблематике — Джеймс Келли, занимавший пост заместителя госсекретаря по АТР в 2001—2005 гг. и входивший в госдепартаменте в т.н. “команду Пауэлла-Зеллика”, выступавшую за более взвешенный подход к выработке внешнеполитических приоритетов администрации Дж. Буша-мл. Кроме того, на презентации выступили и другие авторы документа: руководитель Программы стратегических исследований Центра военно-морского анализа адмирал Майкл Мак-Дэвитт, президент Тихоокеанского форума в Гонолулу Ральф Косса, директор Института стратегических исследований Национального университета обороны Патрик Кронин и сотрудник Института оборонного анализа Брэд Робертс. Общее руководство проектом осуществляла сравнительно молодой “мозговой трест” США — Центр новой американской безопасности, основанный в феврале 2007 г. близкими к руководству Демократической партии бывшим помощником заместителя министра обороны в администрации Клинтона К. Кэмпбеллом и М. Флаурной, недавно назначенной заместителем министра обороны по политическим проблемам. Таким образом, проект претендует на выработку некоторого внешнеполитического консенсуса между умеренными консерваторами и правыми демократами по вопросам осуществления новой администрацией Белого дома стратегического курса в АТР. Не случайно один из разделов доклада посвящен двухпартийной стратегии в регионе, основой которой объявляются, с одной стороны, альянсы с рядом государств АТР (прежде всего, с Японией), а с другой — отношения конструктивного сотрудничества с Китаем².

В период с 1990 по 1998 гг. в Соединенных Штатах было опубликовано четыре подобных доклада. Первые два, обнародованные в апреле 1990 г. и апреле 1992 г., являлись официальными документами о стратегии США в новых условиях окончания “холодной войны” и распада СССР, направленными Конгрессу США администрацией Дж. Буша-ст. В докладе 1995 г. содержались основы многосторонней поли-

тики США, прежде всего в связи с присоединением к асеановскому Форуму по безопасности (АРФ). Однако после тайваньского кризиса 1996 г. и официально продекларированного У. Клинтоном год спустя желания развивать отношения стратегического партнерства с КНР назрела необходимость разработки нового документа, составленного на этот раз в Министерстве обороны США³. Его авторы предприняли попытку сделать документ образцом открытости и транспарентности намерений США в период усиления страхов перед набирающей обороты милитаризацией региона. Документ вновь подтвердил прежние обязательства содержать в регионе крупнейшую зарубежную группировку вооруженных сил США численностью до 100 тыс. чел. Другим средством поддержания устойчивости выгодной для США модели региональной безопасности было названо вовлечение региональных держав в широкий многосторонний диалог.

Однако после прихода к власти администрации Дж. Буша-мл. в США не было разработано ни одного фундаментального документа по стратегии в АТР, в котором уточнялись бы региональные аспекты взаимодействия. Одной из главных причин этого считается сосредоточение Белого дома на глобальной войне с терроризмом. Другой характерной чертой бушевской политики в регионе стал отчетливый сдвиг в сторону стратегии, основанной на одностороннем формате действий.

Презентация доклада группы Дж. Келли проходила в довольно знаменательный период в развитии американо-китайских отношений. В те же дни Вашингтон посетил министр иностранных дел Китая Ян Цзечи для подготовки первого саммита лидеров двух стран в контексте проведения апрельской встречи “Большой двадцатки” в Лондоне. Его визит был ответным после большого восточноазиатского турне Х. Клинтон в конце февраля 2009 г., в ходе которого госсекретарь США посетила четыре крупнейшие региональные державы: Японию, Республику Корея, Индонезию и Китай.

В ходе презентации доклада его авторы неоднократно подчеркивали: тот факт, что глава внешнеполитического ведомства в качестве своей первой зарубежной поездки избрала дальневосточный регион, свидетельствует о повышении его статуса в системе приоритетов новой администрации Белого дома. Например, Н. Пател (Центр новой американской безопасности) полагал, что визит Х. Клинтон указывает на признаки активизации политики США в регионе, пренебрежение к которому со стороны Кондолизы Райс позволило Китаю начать собственное “харизматичное наступление” и увеличить политический капитал. Кроме того, в будущем целью Вашингтона должно стать смягчение регионально-го беспокойства по поводу развития глобальной экономической и политической ситуации. В ключевой момент текущего кризиса банки Японии и Китая вложили сотни миллиардов долларов в т.н. “токсичные” американские финансовые рынки и дали Вашингтону необходимое время, чтобы точнее спланировать “вынужденное катапультирование” национальной экономической системы⁴.

Один из наиболее известных специалистов в области внешней политики Китая декан факультета прикладных международных исследований университета им. Дж. Хопкинса Дэвид Лэмптон полагал, что поездка нового госсекретаря в Пекин явилась очень своевременным дипломатическим ходом, ожидаемым китайскими лидерами, так как они хотели бы выяснить для себя три основных момента:

- 1) понимает ли новая администрация в Вашингтоне значение возвышения Китая;
- 2) какова будет ее позиция по вопросу Тайваня;
- 3) будет ли стабилизация международной экономической и финансовой системы главным приоритетом в глобальной стратегии Белого дома⁵.

На экономические приоритеты в долгосрочной китайской стратегии новой администрации США указывал и профессор Монтерейского института международных исследований Юань Цзиндун. При этом он отмечал несколько разные подходы двух ведущих американских переговорщиков в ходе рабочих контактов с Пекином⁶. Если во время визита в Пекин госсекретарь всячески избегала “больных” экономических вопросов, прежде всего огромного американского дефицита в торговле с КНР, достигшего в 2008 г. суммы в 266 млрд долл., то министр финансов США Тимоти Гайтнер в ходе сенатских слушаний заявил: “Президент Обама... полагает, что Китай манипулирует своей валютой... Поскольку в Сенате США президент настаивает на принятии жестких законодательных мер для того, чтобы обуздать валютные манипуляции, такие страны как Китай не смогут иметь такую же как и прежде возможность подрывать принципы справедливой и честной торговли”⁷. Вполне очевидно, что подобное заявление незамедлительно вызвало резкие протесты со стороны официального Пекина.

Вместе с тем, большинство американских аналитиков с оптимизмом смотрит на развитие отношений с Китаем. Так, например, сотрудник Института Брукингса Кеннет Либерталь полагает, что новая администрация попытается в своих действиях вернуться к осуществлению стратегии “вовлечения” Китая⁸.

Подобные взгляды характерны и для авторов упомянутого доклада, которые считают, что в конце первого десятилетия XXI в. Америка сталкивается с двойной проблемой: резкого изменения характера международной среды, связанного с последствиями глобального финансового и экономического кризиса, и резкого повышения роли Азии в глобальной экономической архитектуре. Выделяются четыре основных изменения, которые произошли в регионе за последнее десятилетие. Во-первых, это повышение глобального экономического и политического веса стран АТР. В настоящее время на страны региона приходится свыше 30 процентов глобального экспорта, а годовой объем их двухсторонней торговли с Соединенными Штатами превышает один трлн долл. США. Кроме того, на страны АТР приходится более двух третей всех золотовалютных резервов в мире.

При этом следует учитывать, что в самих государствах АТР растет понимание их возрастающей роли в мировой политике. Так, например, один из наиболее известных региональных политологов, декан факультета публичной политики Сингапурского национального университета К. Махбубани в опубликованной в марте 2009 г. статье открыто призывает Запад признать и научиться понять “реальность века Азии”⁹. Присутствовавший на презентации доклада другой известный политолог азиатского происхождения А. Ачария высказал серьезные сомнения в том, что лидеры формирующегося на базе АСЕАН “Восточноазиатского сообщества” в настоящее время с распростертыми объятиями встретят явно запоздалое желание США, долгое время дистанцировавшихся от предложений АСЕАН по развитию “мягкого институционализма”, присоединиться, наконец, к происходящим в регионе интеграционным процессам.

Второй фактор связан с возвышением Китая, что самым фундаментальным образом способно изменить траекторию развития региона в целом. Авторы доклада с пониманием воспринимают тот факт, что Китай полностью осознает потребность в мирном окружении в период осуществления грандиозных внутренних экономических и социальных преобразований. Однако в КНР одновременно растет осознание усиления собственной глобальной роли. Так, например, один из наиболее влиятельных китайских американистов, заместитель директора Института международных отношений Университета Фудань (Шанхай) У Синьбо подчеркивает изменение стратегической повестки американо-китайских

отношений при Б. Обаме. Если в начале президентского срока У. Клинтона в двусторонней повестке доминировала тема прав человека, а при Буше-мл. — проблемы военно-стратегической безопасности (Китай — стратегический соперник), то накануне 2009 г. на передний план вышла экономическая проблематика. По мнению ученого, высказанному в одной из бесед с автором, в рамках фокусирования внимания на данных проблемах впервые создавалась такая благоприятная ситуация, когда Китай вполне может сравниться с США по своему глобальному влиянию. С другой стороны, тот же У Синьбо на страницах популярного издания “Хуаньцзо шибао” предупреждает, что в условиях, “когда разрыв между силами обеих сторон непрерывно сокращается, вполне возможно накопление взаимных разногласий и противоречий, что может увеличить опасность столкновения”¹⁰.

Третий фактор — рост числа государств, уже обладающих ядерным оружием или близких к его созданию. Индия и Пакистан уже фактически легализовали свой ядерный статус в оборонной сфере. Китай продолжает модернизировать свой потенциал в области ядерного оружия и ракетной техники. При этом на КНР, в отличие от России и Соединенных Штатов, не распространяется действие Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД), которые в настоящее время составляют основу ядерного арсенала Китая. Одновременно повышается и опасность передачи оружия массового уничтожения и технологий по его производству “проблемным” государствам и негосударственным акторам.

Пожалуй, впервые в документах подобного рода в качестве фактора, стабилизирующего международную среду в области ядерной безопасности, названы выход администрации Дж. Буша-мл. из Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г. и начало развертывания в регионе систем ПРО, включающих в себя к настоящему времени такие объекты как радиолокационные станции раннего предупреждения “Cobra Dane” (о. Шемия, Алеутские острова), “Beale” (Калифорния), РЛС морского базирования SBX, дислоцированную в районе Аляски, РЛС передового базирования FВХ-Т на о. Хонсю, 16 противоракет наземного базирования (13 — на Аляске и две в Калифорнии), системы “Иджис” корабельного базирования.

Четвертый фактор — все возрастающий интерес к многостороннему сотрудничеству. Благодаря ведущей роли межгосударственных институтов, созданных прежде всего на базе АСЕАН, АТР в настоящее время превратился в “плавильный котел” многосторонних механизмов в политической и экономической сферах, а также в сфере безопасности. По мнению авторов доклада, хотя эти учреждения пока несовершенны, они уже сформировали “привычку к сотрудничеству” и помогают выстраивать в регионе систему отношений, основанную на принципах взаимопонимания. Регулярный политический диалог, экономическая взаимозависимость, реализация принципов “мягкого институционализма” создали новую атмосферу, в рамках которой страны региона находят совместные подходы к широкому кругу проблем безопасности.

В свою очередь Вашингтон должен понять возрастающие ожидания своих союзников, партнеров, равно как и потенциальных противников. Как в самом тексте доклада, так и в выступлениях его основных авторов несколько раз подчеркивалось осознание Соединенными Штатами своей роли как державы, “непосредственно расположенной в регионе”, о чем впервые было заявлено министром обороны Р. Гейтсом на состоявшейся в мае 2008 г. ежегодной международной конференции “Диалог Шангри-Ла” в Сингапуре¹¹.

Администрация Б. Обамы должна признать существующие императивы, твердо следуя в своей региональной политике таким принципам, как стратегическое присутствие в регионе, поддержание и укрепление двусторонних связей, арти-

куляция реалистичной и прагматичной китайской политики, которая подчеркивала бы роль Пекина как “ответственного заинтересованного участника” системы международных отношений, более активное участие в региональных многосторонних форумах, интенсификация многостороннего и двустороннего сотрудничества, направленного на борьбу с терроризмом и экстремизмом, предотвращение распространения оружия массового поражения, сферы экологии и изменения климата, энергетической безопасности, а также другие сферы нетрадиционной безопасности.

Ключевым инструментом в борьбе за “покорение сердец и умов” авторы доклада считают “умную силу” — стратегию, в которой наиболее оптимальным образом проявлялось бы сочетание “жесткой”, то есть военной и экономической мощи, с “мягкой” силой публичной дипломатии. В свою очередь “мягкая сила” США должна включать, прежде всего, такие элементы, как углубление и расширение переговорных процессов, экономическое и культурное вовлечение региональных государств и элит, инвестирование в профессиональное образование, восстановление механизмов публичной дипломатии, принятие на себя основных обязательств по обеспечению экологической и энергетической безопасности¹².

Основным средством подтверждения Соединенными Штатами своего стратегического присутствия в регионе должно стать укрепление двусторонних отношений с традиционными региональными союзниками, прежде всего Японией, Южной Кореей и Австралией, что не вносит никаких существенных изменений в региональную повестку по сравнению с предыдущими десятилетиями. При этом союзнические отношения с Японией по-прежнему именовются “фундаментом американского присутствия в АТР”¹³.

США намерены поддержать стремление значительной части японского политического истеблишмента к превращению Японии в “полноценную” региональную военно-политическую державу, способную взять на себя значительную долю ответственности за поддержание в Восточной Азии установившегося стратегического баланса. Для этого администрации Б. Обамы предлагается предпринять следующие конкретные меры:

1) Добиваться отмены вето Конгресса на экспорт истребителей пятого поколения F-22A Raptor. При этом Япония должна стать одним из первых покупателей данного вида вооружений. Токио уже неоднократно заявлял о планах замены своих истребителей F-4, состоящих на вооружении с 1973 г.

2) Поощрять активизацию участия Токио в разработке систем ПРО. Япония в настоящее время участвует в производстве и закупках противоракет типа “Иджис”, “Пэтриот” и SM-3. В 1998 г. в Токио было принято решение содействовать американской системе ПРО и разместить на своей территории элементы этой системы, прежде всего РЛС передового базирования. В июле 2007 г. министерство обороны Японии заявило о намерении создать свою собственную систему ПРО для защиты от возможной ракетной угрозы со стороны КНДР и КНР. Кроме того, Япония проводит трехсторонние консультации о создании системы ПРО в бассейне Тихого океана совместно с США и Австралией в рамках “Тройственного стратегического диалога”, созданного в 2005 г.

3) Повышению самостоятельности Токио в военно-стратегической сфере будет способствовать сокращение американского военного присутствия на Окинаве. В период до 2014 г. около восьми тысяч американских морских пехотинцев будут переведены на остров Гуам. Согласно достигнутому соглашению, их место займут военнослужащие сил самообороны Японии.

4) Япония также является мировым лидером в сфере возобновимых технологий и могла бы помочь США облегчить переход к экономике, базирующейся

на технологических моделях, в меньшей степени зависимых от использования традиционных углеводородных энергоресурсов.

Более сложные отношения складываются в последние годы у США с Южной Кореей. В Сеуле в настоящее время происходит переход власти к т.н. “поколению 386”, представители которого активно участвовали в студенческих волнениях 1980-х гг. и недовольны той поддержкой, которую США оказывали военному режиму Чон Ду Хвана.

Одновременно двусторонние отношения осложняются позицией американских законодателей. Так, до сих пор остается не ратифицированным подписанное в 2007 г. Соглашение о свободной торговле (KORUS FTA), которое авторы доклада называют “наиболее важным торговым договором со времен НАФТА”¹⁴. По этому соглашению предполагается в течение первых трех лет распространить бесполошлинный режим на 90% товаров, а в течение десяти лет — отменить и остальные тарифы. Кроме того, резкими демаршами, направленными против Сеула, отличились некоторые известные американские сенаторы, в том числе и нынешняя госсекретарь Х. Клинтон, в свое время упрекавшая правительство южнокорейской партии Еллин Уридан в “исторической амнезии”.

Вместе с тем, авторы доклада видят большие перспективы в развитии южнокорейского направления американской стратегии в АТР. Предлагается восстановить трехсторонний консультативный диалог с участием США, Японии и РК — трех государств, обладающих сходным видением региональных проблем. В отличие от периода президентства Дж. Буша-мл. авторы доклада определяют содержание американо-южнокорейских отношений не как “стратегическое партнерство”, а как полноценный альянс, причем он должен оставаться столь же прочным даже в случае объединения Корейского полуострова, что в Вашингтоне традиционно видится лишь как поглощение Севера Югом¹⁵.

В рамках широко разрекламированного курса на “перезагрузку” внешнеполитических подходов, связанного с повышением интереса к консультативным механизмам и развитием мультилатерализма, новому президенту предлагается больше внимания уделять проблемам АСЕАН, в частности присоединиться к Договору АСЕАН о дружбе и сотрудничестве (Балийскому договору), поддерживать усилия региональных держав по созданию Восточноазиатского сообщества и институционализации Восточноазиатских саммитов. В этой связи критике подвергается не только политика Дж. Буша, но и его предшественника У. Клинтона, в разгар азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. не предпринявшего никаких усилий для облегчения экономической ситуации в государствах региона.

Не должен остаться неохваченным многосторонними структурами и другой важный регион — Северо-Восточная Азия. Здесь многосторонние процессы предлагается развивать путем дальнейшей институционализации и расширения повестки уже запущенного *ad hoc* механизма — шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблематике. По мнению авторов доклада, Вашингтон должен быть заинтересован в его трансформации в более перманентную региональную структуру, однако не в ущерб существующим двусторонним союзам с Японией и Южной Кореей и лишь в той степени, в какой данная структура будет иметь возможность играть определяющую роль в решении своей основной задачи — обеспечения денуклеаризации Корейского полуострова¹⁶. В последнее время в США вообще наблюдается некоторое изменение подходов к КНДР, характеризующееся большей сдержанностью в ответ на те или иные действия Пхеньяна. Это наблюдение можно отнести к позиции как исполнительной, так и значительной части законодательной ветви власти, что в будущем может создать достаточно прочный консенсус перед лицом столь щекотливой проблемы. Не случаен в этой связи

тот факт, что самым первым в восточноазиатском бюро госдепартамента было назначение дипломата С. Босворта, в 1990-е гг. занимавшего должности исполнительного директора Организации по развитию энергетики на Корейском полуострове (KEDO), а затем посла в РК, специальным представителем США на переговорах с КНДР. Руководители госдепартамента не устают напоминать о приверженности курсу на поддержание прямых контактов с Пхеньяном, хотя накануне выборов Б. Обама ратовал за осуществление “твердого и наступательного дипломатического курса” в отношении КНДР¹⁷. Со своей стороны и ведущий эксперт по проблемам Восточной Азии в сенатском комитете по международным делам Фрэнк Джаннузи в выступлении на состоявшейся 23 марта 2009 г. в Вашингтонском Фонде “Херитедж” фокус-дискуссии американских законодателей “Азия 2009: взгляд с Капитолийского холма” отметил: “Если мы будем ежегодно выплачивать Северной Корее по миллиарду долларов за отказ от ядерной программы, то это будет гораздо более продуктивным вложением, чем то, что мы сделали в Ираке”.

Среди приоритетных стран в ЮВА называются два формальных союзника — Филиппины и Таиланд (хотя планируется существенным образом расширить повестку двусторонних отношений путем включения в нее проблематики, связанной с новыми (нетрадиционными) проблемами безопасности), а также т.н. “виртуальный союзник” — Сингапур, не принявший на себя пока каких-либо обязательств, имеющих характер формальных межгосударственных соглашений. Однако благодаря своему геополитическому положению Сингапур может стать наиболее полезным для Вашингтона партнером в глобальной войне с терроризмом и обеспечении безопасности на море.

Отдельно выделяются отношения США с Индонезией, крупнейшим мусульманским государством в мире и “естественным лидером” ЮВА, являющей собой позитивный пример того, как исламские традиции могут гармонично сочетаться с либеральной демократией. Кроме того, подчеркивается и личный потенциал Б. Обамы, прошедшего в Индонезии свои юные годы и крайне популярного в этой стране. Следует при этом отметить, что в Джакарте подобные оценки вызывают положительный отклик, усиленный желанием политических элит восстановить свои международные позиции, в значительной степени утерянные в 1990-е гг. в результате экономических трудностей и политической нестабильности. Так, например, один из ведущих индонезийских политологов Ю. Вананди в одной из своих недавних статей во влиятельной англоязычной “Джакарта таймс” призывает создать в Восточной Азии свою “большую восьмерку” — клуб наиболее влиятельных держав, в который вошли бы США, Китай, Япония, Россия, РК, Индия, Австралия и Индонезия. Подобная организация, по мнению эксперта, могла бы стать прообразом будущего многополярного устройства в регионе, основанного на принципах “концерта держав”. Не случаен, очевидно, и тот факт, что единственным из государств АСЕАН, которое посетила новый госсекретарь США в феврале 2009 г. в ходе своего большого восточноазиатского турне, стала Индонезия.

Основное внимание в докладе уделено отношениям с ведущей региональной державой — КНР. Показательными в этой связи оказались не только долгосрочные тенденции, отраженные в тексте доклада, но и события, предшествовавшие его презентации и в полной мере продемонстрировавшие сложность и противоречивость американско-китайских отношений на современном этапе — с одной стороны, инцидент в Южно-Китайском море, связанный с вытеснением из зоны океанографических исследований (по версии Пекина — разведывательной деятельности) кораблями ВМС КНР американского судна “Impressable”, а с другой — визит в США министра иностранных дел КНР Ян Цзечи с целью согласования деталей саммита G-20 в Лондоне.

Ключевыми изменениями в региональной структуре безопасности за последнее десятилетие в докладе называются возвышение Китая и его стратегическое влияние на Азию. КНР прямо именуется “наиболее важным игроком во всех аспектах азиатской безопасности”¹⁸. Улучшая оперативно-тактические возможности своих ВМС, Китай начинает обозначать собственное все более осязаемое присутствие в сфере, которая, начиная с середины прошлого столетия, была заповедником Соединенных Штатов и их союзников. По мнению аналитиков Пентагона, подход Китая к обеспечению баланса сил в АТР можно охарактеризовать как стратегию “препятствования доступу” вооруженных сил США в акваторию морей, омывающих побережье Китая¹⁹.

При отсутствии реакции Вашингтона на подобные тенденции установившемуся в АТР в последние десятилетия балансу сил был бы нанесен значительный урон. Так, например, стратегия Китая могла бы изолировать Японию во время потенциального кризиса. Что касается китайско-тайваньских отношений, то авторы доклада отмечают как позитивный вклад отказ недавно избранного президентом Тайваня Ма Инцзю от идеи провозглашения независимости острова и его намерение сохранять статус-кво в районе Тайваньского пролива.

В основу подхода нынешней вашингтонской администрации к Китаю, по мнению авторов доклада, должно лечь формулирование “реалистичной и прагматичной китайской политики”. В течение двух предыдущих десятилетий Соединенные Штаты практиковали политику “вовлечения” Китая, основанную на стратегии экономического взаимодействия и поощрения КНР к более активному включению в процессы экономической глобализации. Одновременно Вашингтон подстраховывал свои интересы в АТР, сохраняя в регионе и “разумное” военное присутствие.

Определение форм взаимодействия на новой фазе отношений требует трех шагов.

Во-первых, возвышение Китая, его политическое и культурно-цивилизационное влияние в АТР следует принять как свершившийся факт, с которым должна считаться внешняя политика США.

Во-вторых, следует сосредоточить стратегию Вашингтона на сферах экономического, политического и культурного сотрудничества с КНР и конкуренции с Пекином в области распространения собственной “умной силы”. По мнению ряда американских политологов, в этой сфере у Вашингтона пока еще сохраняются значительные преимущества. Так, например, бывший глава Азиатского отдела Совета национальной безопасности Виктор Ча на состоявшемся 9 марта 2009 г. в Центре им. В. Вильсона семинаре, посвященном китайско-южнокорейским отношениям, высказал мысль о том, что в отличие от нового президента США, провозгласившего борьбу за преодоление последствий глобального экономического кризиса краеугольным камнем своей внешнеполитической стратегии, лидеры в Пекине пока не спешат брать на себя подобные обязательства, что не остается незамеченным международным сообществом.

В-третьих, Вашингтон должен определиться и с иерархией собственных озабоченностей, касающихся Китая. Такие проблемы как права человека, военная модернизация, конкуренция в сфере потребления энергоресурсов и проблемы охраны окружающей среды требуют использования различных внешнеполитических инструментов, равно как и различных уровней акцента со стороны правительства США. В ходе презентации в качестве примера подобного реализма отмечался тот факт, что Х. Клинтон в ходе своего визита в Пекин не заостряла проблему прав человека, несмотря на давление на нее со стороны неправительственных организаций. Было высказано также мнение о том, что США “достигнут больших результатов, если будут поднимать тему прав человека в ходе

своих контактов с Китаем путем непубличных, неконфронтационных дискуссий, апеллируя главным образом к интересам Китая”²⁰.

Неизбежной стала концентрация внимания на теме американско-китайских отношений и в связи с проведением 1 апреля с.г. в ходе саммита G-20 в Лондоне первой личной встречи между Б. Обамой и Ху Цзиньтао. Комментарии ученых и экспертов двух стран свелись, в основном, к двум аспектам: перспективе “большой американско-китайской договоренности” (сговора — в интерпретации неоконсерваторов), оформленной в виде глобального “фрейма» G-2, и артикуляции со стороны части руководства КНР идеи лишения доллара США статуса системообразующей глобальной валюты.

Идею разделения глобальной ответственности между США и Китаем впервые высказал профессор Гарвардского университета Н. Фергюссон, облекший свою идею в довольно провокационную для западных аналитиков форму “Чимерики” (Chimerica)²¹. По его мнению, Вашингтону следовало бы приветствовать как можно более полное участие Китая в процессах, формирующих современный глобальный политэкономический порядок, одновременно поощряя переход КНР к более прозрачной и демократической системе внутри страны.

Накануне лондонского саммита к той же теме обратились два американских политика, считающихся наиболее авторитетными специалистами по Китаю — Р. Зеллик и З. Бжезинский. Первый в опубликованной в “Вашингтон пост” в соавторстве статье недвусмысленно восклицал: “Если не будет сильной G-2, G-20 принесет лишь разочаровывающие результаты”²². По мнению авторов этой статьи, крупнейший глобальный потребитель (США) и крупнейший резерв свободных валютных средств (Китай) должны, прежде всего, объединить усилия с тем, чтобы предотвратить длительный глобальный спад. Обе страны уже объявили о пакетных мерах, стимулирующих развитие национальных экономик. Однако Соединенные Штаты вновь полагаются на повышение потребления, а Китай снова наращивает инвестиционные фонды. Во-вторых, следует провести “перезагрузку” повестки стратегического экономического диалога между Китаем и Соединенными Штатами, который должен сосредоточиться на том, как уменьшить структурную неустойчивость обеих экономических систем. Без стимулирования импорта Китай стоит перед риском испытать исключительно острое и болезненное падение экспорта. Соединенные Штаты, в свою очередь, должны сократить масштабы потребления финансовых ресурсов. Только такое соединение усилий “большой двойки”, по мнению Зеллика, сможет стать основой более широкого комплекса действий по сокращению сроков рецессии, предпринимаемых на глобальном уровне.

Со своей стороны, З. Бжезинский полагает, что на нынешнем этапе отношения между двумя странами не могут быть статичными — они могут либо расширяться, либо сужаться. Мир извлечет только пользу, если эти отношения будут расширяться. При этом, по мнению одного из основателей современной американской геополитики, основой этих отношений должны быть не только меры, предпринимаемые для преодоления глобального кризиса, но и геостратегическое сотрудничество, наиболее очевидными региональными проявлениями которого могли бы стать усилия по свертыванию ракетно-ядерных программ КНДР и Ирана, налаживание диалога между Индией и Пакистаном, включение Китая в процесс урегулирования израильско-палестинского конфликта. Однако для решения всех этих задач США и Китай нуждаются в постоянно действующем механизме в формате G-2. Лишь в этом случае отношения между двумя странами выйдут на тот же глобальный уровень, на котором в настоящее время находятся отношения США с Европой и Японией. Идеологической основой этого могут

стать миротворческие инициативы Б. Обамы и разрабатываемые Ху Цзиньтао идеи “гармоничного мира”²³.

Следует признать, что идеи “Чимерики” или “большой двойки” не были встречены в Китае с энтузиазмом. Так, например, глава Народного банка Чжоу Сяочуань в размещенной на его официальном сайте статье предложил рассмотреть возможность отказаться от монополии США на эмиссию основной глобальной резервной валюты, предложив переход к “супра-суверенной резервной валюте” (чао-чжуоань чубэй хоби)²⁴. По мнению китайского политического обозревателя Бай Яньсуна, идея G-2 не только идет вразрез со стратегическим курсом на политическую многополярность в мире, но также может вызвать беспокойность среди большинства стран мира и нанести вред отношениям КНР с основными стратегическими партнерами²⁵.

В докладе группы Келли не была обойдена вниманием и Россия, дальневосточный регион которой признается частью АТР. К сожалению, во многом авторы продолжают ту аналитическую линию, которая была заложена в западной историографии политики России на Дальнем Востоке еще в конце XIX в. и традиционно строилась на обвинениях России в какой-то особой негативной роли в регионе в сравнении с другими державами²⁶. Так, например, в историческом обзоре подчеркивается роль президента Теодора Рузвельта, который “сдерживал попытки России создать исключительную зону влияния в Северном Китае”, при этом “знатоки” вопроса напрочь забывают и о японской оккупации Южной Маньчжурии, и об аннексии Кореи²⁷.

С другой стороны, вполне можно согласиться с выводом о том, что отношения России с государствами региона характеризуются более положительной составляющей, чем с США и рядом европейских государств²⁸. Определенный оптимизм может вызывать и высказанное на презентации доклада желание Р. Коссы “продвигать демократию, а не Лиги демократии”.

Таким образом, подготовка и обнародование доклада “США и Азиатско-Тихоокеанский регион”, в работе над которым приняли участие многие авторитетные специалисты как в сфере международной стратегии, так и регионоведы, вполне могут стать поворотным этапом в региональной политике новой американской администрации. Эксперты высказали свое мнение. Многое теперь будет зависеть от работы специализирующихся на проблематике АТР американских дипломатов, штат которых пока еще только формируется.

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. С. 202.
2. The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration. Washington, 2009. P. 62.
3. The United States Security Strategy for the East Asia-Pacific Region. Washington: Department of Defense, 1998.
4. Patel N. Clinton's heading in the right direction. Los Angeles Times. 14.02.2009. -- <http://www.latimes.com/news/opinion/commentary/la-oe-patel14-2009feb14,0,3702324.story>.
5. East Asia in the Spotlight: Secretary of State Clinton's First Trip Abroad. The Brookings Institution Discussion. February 12, 2009. — http://www.brookings.edu/~media/Files/events/2009/0212_east_asia/20090212_clinton_asia.pdf.
6. В ходе первой личной встречи между Б. Обамой и Ху Цзиньтао в Лондоне 1 апреля 2009 г. была достигнута договоренность о том, что в ходе общеполитического диалога (senior dialogue в американской и чжаньлюэ дуйхуа, т.е. стратегического диалога в китайской версии) и стратегического экономического диалога США будут представлять

- соответственно Х. Клинтон и министр финансов Т. Гайтнер, а Китай — член Госсовета Дай Биньго и вице-премьер Ван Цишань.
7. United States Senate. Committee on Finance. Hearing on Confirmation of Mr. Timothy F. Geithner to be Secretary of the U.S. Department of Treasury. Questions for the Record. January 21, 2009. — <http://finance.senate.gov/sitepages/leg/LEG%202009/012209%20TFG%20Questions.pdf>.
 8. Ford P. Clinton 'Reintroduces' US to Asia // Christian Science Monitor. 23.02.2009. — <http://www.csmonitor.com/2009/0223/p06s01-woap.html>.
 9. Kishore Mahbubany. What Hillary Didn't Do In Asia. — <http://www.newsweek.com/id/186967>.
 10. У Синьбо. Чжун-Мэй вэй даго юси сюньчжао гуйцзэ [Китай и США ищут правила игры между великими державами] // Хуаньцю шибао. 2009. 20 февр.
 11. Gates R. Challenges to stability in the Asia-Pacific, The Seventh Shangri-La Dialogue. London, 2008. Ch. 2. P.29.
 12. . The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration. Washington, 2009. P. 76.
 13. Ibid. P. 41.
 14. Ibid. P. 43.
 15. Ibid. P. 67.
 16. Ibid. P.27.
 17. Barack Obama and Joe Biden's Plan to Renew U.S. Leadership in Asia. — http://obama3.cdn.net/ef3d1c1c34cf996edf_s3w2mv24t.pdf.
 18. The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration. Washington, 2009. Op. cit. P. 23.
 19. Department of Defense. Military Power of the People's Republic of China: Annual Report to Congress. 2007. — <http://www.defenselink.mil/pubs/pdfs/070523-China-Military-Power-final.pdf>.
 20. Kessler G. Clinton's Candor Abroad Draws Mixed Reviews // Washington Post. 2009. 23 февр. P. A12.
 21. Ferguson N., Schularick M. 'Chimerica' and the Global Asset Market Boom // International Finance. 2007. No.3. P. 215—239.
 22. Zoellick R.B., and Lin J.Y. Recovery Rides on the 'G-2'// Washington Post. 2009. 6 mar. P. A15.
 23. Brzezinski Z. The Group of Two That Could Change the World // Financial Times. 2009.13.01. — <http://www.ft.com/cms/s/0/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac.html>.
 24. Чжоу Сяочуань. Гуаньюй гайгэ гоцзи хоби тиси-дэ сыкао [Размышления о реформе международной валютной системы] 23.03.2009. — <http://www.pbc.gov.cn/detail.asp?col=4200&id=279>.
 25. Бай Яньсун. Гэн юаньши тин “U2” [Я бы лучше послушал группу U2]. 03.04.2009. — <http://news.cctv.com/world/20090403/111311.shtml>.
 26. См., например: Hesse-Wartegg E. von. Schantung und Deutsch-China: von Kiautschou ins Heilige Land von China und vom Jangtsekiang nach Peking im Jahre 1898. Leipzig, 1898; Vinacke N.M. A History of the Far East in Modern Times. New York, 1928; Fairbank J.K., Reischauer E.O., Craig A.M. A History of East Asian Civilization. Boston, 1960. Vol. 2. East Asia: The Modern Transformation.
 27. The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration. Washington, 2009. P. 12.
 28. Ibid. P. 26.